

Раймон Девос на бис

Несколько номеров назад в «Литературной газете» были опубликованы три снетча Раймона Девоса, популярного французского артиста эстрады. Редакция получила письма, в частности групповое письмо от читателей из Винницы, с просьбой напечатать еще и другие остроумные миниатюры этого автора.

Мы с удовольствием выполняем эту просьбу.

Раймон ДЕВОС, французский артист эстрады

НОГА

Однажды я просто так, от нечего делать, прогуливался по улице. Вдруг подходит ко мне известный кинорежиссер и говорит:

— Не хотите ли вы сниматься в кино?

— Конечно, хочу, если только это возможно.

— Разумеется, возможно. Я снимаю сейчас фильм, который называется «Деньги счет любят». Там есть один бизнесмен, который делает все, что его левая нога хочет, и тем самым мешает своим детям стать на ноги. Устраивает вас эта роль?

— Я готов немедленно подписать контракт.

— Прекрасно. Но надо позаботиться, чтобы другие претенденты не поставили вам подножку, это такая роль, что ее любой готов оторвать с ногами. Приходите ко мне на студию завтра.

На следующий день я являюсь в назначенное время. Режиссер осматривает меня с ног до головы и говорит:

— Пожалуй, я не ошибся, пригласив вас. Пройдитесь-ка немного.

Я прогуливаюсь по студии и думаю: «Дело вроде идет на лад». Движение возбуждает меня, и я даже начинаю декламировать стихи Мюссе «За ночью вслед приходит тишина...», чтобы показать, что я не лишен и дара речи.

Режиссер говорит:

— Прекрасно, теперь разуйтесь.

— Что?

— Разуйтесь, говорю я вам. — Нет! Нет! Когда я завязываю утром шурки, так это уже на весь день... Я никогда не разуваясь до вечера.

— Ну вот, вы все одинаковы! Хотите сниматься в кино и не желаете идти ни на какие уступки. Возмутительно!

— Не надо так горячиться. Что вы, собственно говоря, хотите?

— Я прошу, чтобы вы разулись!

— Ну ладно, доставляю вам это удовольствие.

И я снял свои туфли.

Режиссер восклицает:

— Ах!

— В чем дело?

— У вас совершенно необычная нога!

Я думаю: «Дело идет на лад!»

Он говорит мне:

— Я сбился с ног в поисках такой ноги, как ваша.

— Так вот она перед вами!

— Я знал, что где-нибудь такая нога должна была быть... Приведите завтра вашу левую ногу в костюмерную, мы снимем с нее мерку.

— А правую?

— Нас интересует только левая.

— Нет, — говорю я, — вы занимаете обе, или я не дам вам ни одной!

— Хорошо... Приводите и правую... Но я буду платить ей вполтину меньше.

— Согласен.

На следующий день я снова был на студии. Режиссер объясняет мне:

— Вот сюжет: ваша квартира так заставлена всяким

старым хламом, что в ней сам черт ногу сломит, а ваши дети хотят жить на широкую ногу. Вы не хотите менять квартиру, так как близости проживает ваша любовница. Вам очень удобно, вы добираетесь до нее в два счета: одна нога здесь, другая там. Понятно?

— Да, да! — отвечаю я, переминаясь с ноги на ногу. — Значит, одна нога будет играть в одном месте, а другая — в другом. Ну нет, я не согласен!

— Что! Ну вот, все вы одинаковы! Хотите сниматься в кино и не идете ни на какие уступки! Или, может быть, вы сегодня не с той ноги встали? Будьте поговорчивее!

— Хорошо. Ну, так что же вы хотите?

— Повиновения! Спокойного повиновения! Мне нужна в крупном плане ваша левая нога, торчащая из-под одеяла.

— Пожалуйста, — говорю я, растягиваясь на постели, — так вас устраивает?

— Не совсем! Надо, чтобы в вашей ноге ощущалась какая-то озабоченность, внутренняя гревога.

— Понял! Вам необходима легкая дрожь?

— Вот именно!

Я заставляю свою левую ногу волнообразно вздрагивать.

Режиссер сияет:

— Сенсационно! Одной ногой вы уже в бессмертии... Завтра мы приступаем к съемкам.

И с тех пор я как белка в колесе. Я снимаюсь в фильме «Педикюр убийцы». За него я получил премию в Голливуде.

Критики сходили с ума: «Какая пятка!.. Стопа века! Пальцы, полные интеллекта!»

Моя левая играла затем главную роль в фильме «Моей ноге там не будет!». О нем говорили: «Картина — дрянь... Но вначале эта нога крупным планом, она хватает вас за живое. Кажется, она вот-вот заговорит».

Этим утром мне позвонил один известнейший режиссер:

— Послушайте, я снимаю

короткометражку «Все ноги мира»... У вас нет свободной ноги?

— Да, правая сейчас свободна.

— Она может сниматься на натуре?

— Нет! К сожалению, нет, так как моя левая нога занята на студии и я не могу разрываться на части из-за ваших натуральных сценек.

— Очень жаль. Кстати, какой номер ботинок вы носите?

— Сорок третий.

— О ля-ля! Это слишком много для короткометражки. Сорок третий! Нет, мне бы что-нибудь вроде тридцати пяти, тридцати шестого!

— Тридцать шестого? Тогда обратитесь к моей сестре! И я повесил трубку.

РАЗДВОЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Раздвоение личности, такая штука действительно существует. Я могу вам привести один пример. Пожалуйстал!

Я знаю одного критика... Одновременно он и драматург, и это ставит его как драматурга в критическое и как критика в драматическое положение. Он написал пьесу, ее поставили, а редакция газеты послала его на премьеру, чтобы написать рецензию. Так как он человек строгий и справедливый, на следующий день в газете он изорвал себя в клочья... он буквально вывалял себя в грязи. Когда драматург прочел его статью, он написал критику пьесе, в котором утверждал, что критик ничего не понял в написанной драматургом пьесе... И вот с тех пор он не говорит больше сам с собой! Когда он видит себя в зеркале, он отворачивается. Он пишет сам себе оскорбительные письма. «Выступая как критик, — утверждает драматург, — вы пишете, как бревно». «А вы, — отвечает критик драматургу, — сочиняете пьески, от которых разве только что бревна и не короятся!»

Написав себе несколько таких писем, он в конце концов не выдержал и залепил себе пощечину. Так как он не был трусом, то немедленно дал еще себе и сдачи.

После того как он изрядно себя измордовал, он подумал, что во всех случаях достается ему самому: «Это глупо! Надо искать выход!»

Тогда он пригласил самого себя на завтрак для дружеской беседы. К концу завтрака он договорился сам с собой самым отличным образом. С этого момента он стал называть себя «Мы».

«Мы написали пьесу... Нам она очень понравилась... Мы прочли рецензию... Мы думаем, что... Мы не думаем, что...»

Стоило ему придумать это «мы», все его мытарства кончились. Просто не «мы», а какая-то волшебная отмычка!

Перевела с французского Элизабет МАНЬЯН